

Гу Цзицин посмотрел на строчку текста и милый каомодзи. Помедлив мгновение, он набрал в ответ:

`[](^з^)` — это означает «чмоки-чмоки»?`

Он всего лишь подстроился под шутливый тон Чжоу Цыбая, чтобы разрядить обстановку и избавиться от неловкой паузы.

В это время Чжоу Цыбай, уже успевший смириться с мыслью о походе в интернет-кафе, достал звякнувший в кармане телефон.

«...»

Спустя три секунды он готов был сгореть от стыда и взлететь на воздух прямо на месте.

Да что с этой автозаменой! Он отродясь не пользовался подобными эмодзи, с чего вдруг аппарат решил их отправить? Нужно было сразу отключить предиктивный ввод!

Но сообщению назад хода нет. И что теперь делать? Наврать, будто палец соскользнул? Чжоу Цыбай поджал губы.

Он слишком отчётливо представлял себе Гу Цзицина: тот наверняка спрашивает с самым невинным и серьёзным видом. Если заявить прямо: «я ошибся», Цзицин ведь почувствует себя неловко? А проигнорировать — совсем невоспитанно.

Сжав смартфон в кулаке, Чжоу Цыбай несколько секунд терзался сомнениями. Наконец, стиснув зубы и собрав волю в кулак, он торопливо отстучал краткое «Угу», заблокировал экран, швырнул гаджет в карман и, набрав для «травмированного» совершенно немыслимую скорость, прибавил шагу по направлению к общежитию.

Гу Цзицин, глядя на экран, задумчиво моргнул. Что ж, похоже, в переписке у Чжоу Цыбая действительно пробуждается сентиментальная девичья душа.

Чтобы по новой привычке не путаться в манерах новых знакомых, Цзицин сменил ему имя в контактах на `[А\_Милашка\_Чжоу\_Цыбай]`. В его списке тот встал в один ряд с `[А\_Любитель\_восклицательных\_знаков\_Лу\_Пин]`, `[А\_Сваха\_Ван\_Цюань]` и `[А\_Хладнокровный\_Чэнь\_Цзи]`.

Едва он закончил, из дверей столовой вывалилась остальная троица, на ходу потягивая колу из бутылок. Глядя вослед улепётывающему приятелю, Лу Пин изумлённо хлопнул глазами:

— Четвёртый что, уже исцелился?

Ван Цюань хмыкнул:

— Молодой организм, регенерация как у росомахи.

И только Чэнь Цзи проявлял искреннюю заботу:

— Ладно, на улице дубак. Может, ну его, этот компьютерный клуб? Вернёмся в общагу да сгоняем в «Честь королей»?

Вспомнив, каким подавленным выглядел Чжоу Цыбай пару минут назад, Гу Цзицин отпечатал новое сообщение для `[А\_Милашка\_Чжоу\_Цыбай]`:

`[Сыграешь с нами вечером в «Честь королей»? Там всё просто, я научу.]`

Гу Цзицин сам не раз испытывал то липкое чувство отчуждения, когда все вокруг увлечены одной темой, а ты остаёшься за бортом, поэтому из чуткости решил ненавязчиво предложить помощь.

В это время Чжоу Цыбай, прилетевший в комнату на всех парах, замер, уставившись на экран. Пальцы одеревенели.

Гу Цзицин собирается учить его играть?!

В памяти тут же всплыли позорные картины, как его приятели, подкатывая к девушкам, тащили их в рейтинговых матчах. Все эти слащавые, тошнотворные «Братик, спаси!», «Не бойся, я закрою собой!», «Всё позади, я рядом», «Чмоки-чмоки»... От одних воспоминаний у Чжоу Цыбая волосы на затылке встали дыбом.

Сколько он себя помнил, в гейминге ему не было равных. Мобилки он презирал лишь за урезанную механику — считал их примитивной забавой. И что же теперь? Дожился: его самого собираются тащить как беспомощную девчонку?!

Что вообще Гу Цзицин себе позволяет?!

Чжоу Цыбай принялся судорожно вбивать резкий отказ, но на середине предложения замер.

Стоп. А вдруг Цзицин ничего такого не имел в виду? В конце концов, обычные друзья сплошь и рядом гоняют вместе в катки.

«...»

Ладно. Возводить напраслину на одного и того же человека в третий раз — выше его достоинства.

К тому же он взрослый двухметровый мужик, отлично разбирающийся в играх. Что с ним случится от одной совместной сессии?

Спустя час Чжоу Цыбай состряпал нелепую отговорку: дескать, «мелкий двоюродный брат всё равно каждый день одолевает просьбами поиграть», и примкнул к пати из пяти человек. С мертвецки мрачной миной ему пришлось взять одного из немногих доступных на новом аккаунте персонажей — ушастую розовую лисичку Дацзи.

Гу Цзицин без особых раздумий забрал Гуань Юя на верхнюю линию, уступив роль лесника Ван Цюаню.

Загрузившись на карту, Лу Пин увидел, как из фонтана плечом к плечу выбегают могучий, сияющий боевой конь и крошечная лисичка, виляющая пушистым розовым хвостом. Он не сдержался и прыснул.

Хоть Лу Пин тут же зажал рот ладонью, лицо Чжоу Цыбая омрачилось пуще прежнего. Если бы не благородная привычка пропускать сокомандников вперёд на драфте и не нулевой уровень свежесозданного профиля, разве стал бы он играть этим гламурным недоразумением?!

Анимации у персонажа были манерными, магия — сплошные сердечки, никакой брутальности. Ни в какое сравнение с эпичным Гуань Юем под управлением Цзицина! Всё в облике Чжоу Цыбая излучало глубочайший протест — в точности как первоклассник, которого под угрозой расправы заставляют надеть девчоночий портфель.

Заметив его настроение, Гу Цзицин мягко произнёс в микрофон:

— В руках мастера Дацзи показывает отличный урон. Даже про-игроки не гнушаются её бережно юзать.

Чжоу Цыбай на мгновение замялся, а затем сдержанно буркнул:

— Угу.

В конце концов, это всего лишь пиксели. Неважно, насколько глупо выглядит его моделька и насколько круто — герой Цзицина.

Единственная разница заключалась в том, что верхняя часть экрана не затыкалась от

уведомлений о тройных и четверных убийствах Гу Цзицина. Не прошло и десяти минут, как верхняя линия была пробита вплоть до вражеской базы, а сам Цзицин ушёл в богоподобный отрыв.

Чжоу Цыбай, имея за плечами богатый опыт в Dota и League of Legends, мгновенно освоил механику и уверенно сносил центральную полосу. Впрочем, не зная всех тонкостей таймингов, у второй вражеской башни он угодил в засаду. Вражеский лесник отрезал путь к отступлению. Понимая, что смерть неизбежна, Чжоу Цыбай выдохнул досадное: «Пиздец», и судорожно застучал по экрану, решив продать свою жизнь подороже и дожать башню.

В следующую секунду из тумана войны вылетел всадник в пылающих призрачно-синих доспехах. На скакуне, объятom синеватым пламенем, он ворвался в гущу схватки, с размаху обрушил на врага массивное лезвие, снёс противников назад, развернул коня, нанёс ещё удар, отбросил их обратно, а затем единым сокрушительным взмахом гуаньдао отправил чужого лесника на фонтан, попутно разнеся башню в щепки.

Из динамика раздался тихий, бархатистый голос Гу Цзицина:

— Всё хорошо, не бойся. Я рядом, я защищу.

Чудом спасшаяся лисичка с внезапным ассистом в копилке застыла посреди мида.

«...»

Твою ж мать.

В ту секунду Чжоу Цыбаю показалось, что его сердце свихнулось и заколотилось о рёбра с какой-то аномальной, нездоровой частотой.

После завершения игры и выключения света он ещё долго ворочался в постели, не в силах сомкнуть глаз.

С чего вдруг Цзицин взялся его тащить? Почему он, двухметровый крепкий мужик, оказался в роли того, кого «защищают»?!

Он вырос в семье военных! Дед с малых лет вбивал ему в голову: настоящий мужчина обязан защищать слабых и беречь всё, что ему дорого, иначе какой из него мужик? А тут что? Его защищают! Да ещё кто — Гу Цзицин!

В прошлый раз нечто подобное случалось лишь в школе города Нанью, когда он перевёлся в новый класс. Тогда Богиня привела его к себе домой, чтобы обработать ссадины. Но ведь то была совсем другая история! В тот раз он первым ввязался в драку из-за неё, и она лишь проявила ответную заботу. А сейчас-то с какого перепугу?!

Чжоу Цыбай сам не мог объяснить, отчего пульс бьётся в бешеном ритме. Но стоит вспомнить аватарку Гу Цзицина, его болезненную мину, когда Хэ Чанчжи сжал ему плечо, или то, как Цзицин стоял на балконе, завершив разговор, и задумчиво всматривался в небесную высь, прищурив глаза... В груди всё сжималось от невыносимого, давящего чувства.

Проворочавшись ещё час, он с угрюмым видом сел на кровати, нацепил наушники и запустил «Честь королей».

Гу Цзицин и понятия не имел о ночных тренировках соседа. Ему просто казалось, что Чжоу Цыбай страшно занят: возвращаясь с пар, тот сразу забирался на свою койку, надевал наушники и с чекистской серьёзностью на лице часами увлечённо кликал по экрану. Порой Цзицин вставал среди ночи отпить воды и замечал тусклое свечение, пробивающееся из-под его одеяла. Наверное, парень столкнулся с какими-то серьёзными проблемами.

Заметить-то Цзицин заметил, но лезть с расспросами не стал — всё-таки близкими друзьями они не были. Их диалог в Вэйсине так и замёрз на предложении научить играть.

Лишь в пятницу вечером следующей недели, окончив занятия и собрав вещи, Гу Цзицин стоял у главных ворот университета в ожидании машины, когда экран снова ожил.

`[А\_Милашка\_Чжоу\_Цыбай]`: `Тебя подвезти?`

Спустя пару секунд пришло второе:

`[А\_Милашка\_Чжоу\_Цыбай]`: `Сегодня снег повалил, такси не дождёшься.`

Для декабрьского Пекина снегопады были делом привычным, но сегодня — в преддверии суровой зимы — небо заволокла туча такой свинцовой тяжести, будто готовилась раздавить город. Крупные хлопья неслись с резкими порывами ветра. Хотя это была уже вторая его зима в столице, Гу Цзицин никак не мог привыкнуть к местной стуже.

Он плотнее укутался в шарф, спрятав подбородок в мягкий молочно-белый кашемир. Наружу торчал только чуть покрасневший от мороза кончик носа.

`[Спасибо, не нужно. Я уже в машине.]`

Едва отправка завершилась, прямо перед ним бесцеремонно замер внушительный внедорожник «Лэнд Ровер Рандж Ровер», перекрыв весь обзор.

Гу Цзицин удивлённо изогнул бровь.

Боковое стекло с тихим жужжанием опустилось. На водительском сиденье восседал Чжоу Цыбай — за рулём брутального джипа его и без того породистая, чеканная внешность отдавала надменностью настоящего бессердечного доминанта.

Гу Цзицин лишь качнул головой.

Цзицин коротко моргнул, стряхивая снежинку с ресниц, и уставился на соседа. На его лице проступило то самое виноватое выражение, с которым он когда-то выковыривал из тарелки болгарский перец, поймав на себе строгий взгляд Чжоу Цыбая, — смесь смущения и незащитности.

Чжоу Цыбай, уже набравший воздуха, чтобы сурово спросить: «И где же твоя машина?», попятился на полуслове.

Ему казалось, Гу Цзицин прекрасно знает, как мило выглядит со стороны. Впрочем, какое ему дело до его милоты?

Отведя взгляд, Чжоу Цыбай сжал руль. Он только собранно взвешивал, как вежливо и без лишних намёков предложить сесть в салон, когда неподалёку раздался вальяжный мужской голос:

— Малыш, я тут!

«Малыш?!»

Прежде чем Чжоу Цыбай успел осмыслить услышанное, Гу Цзицин повернулся к окликнувшему:

— Да, я сейчас. Перекинусь с одноклассником пару слов и подойду.

Повернувшись к Чжоу Цыбаю, Цзицин тихо произнёс:

— За мной приехали. Я пойду, будь осторожен на дороге.

И с этими словами устремился прочь.

Чжоу Цыбай проследил за ним взглядом. Возле припаркованного авто, прислонившись к дверце, стоял высокий молодой мужчина в элегантном пальто поверх костюма и с гладко зачёсанными назад волосами. В одной руке тот держал сигарету, в другой — телефон. Вид у него был холёный и представительный, на вид — на пару лет старше Цзицина, явно уже успевший вкусить корпоративной жизни.

Едва Цзицин подошёл ближе, этот тип с наигранной фамильярностью взъерошил ему волосы, что-то весело бросил, распахнул переднюю пассажирскую дверь и впустил парня в салон.

«...»

Спустя три секунды Чжоу Цыбай с каменным лицом поднял стекло и до упора утопил педаль газа, взяв курс на элитный жилой комплекс «Пекинский Номер Один».

Тем временем Гу Цзицин сидел на пассажирском кресле и молча слушал, как Гу Цзюэ глумливо вещает в динамик телефона:

— Ха, «Пекинский Номер Один»! Тоже мне показатель. Ты погоди, вот устроит старик Чжоу юбилей, посмотришь, где размахнётся его семейство. Туда сколько денег в конверт ни положи, даже на порог не пустят. Не веришь? А думаешь, с чего вдруг моя мачеха настояла, чтобы я прихватил с собой дорогого братишку? Всё же просто: и председатель Чжоу Хэн, и его старший сын Чжоу Чжэньбай заканчивали Цинда, да и младший их сейчас там учится. Вот и пытаются подмазаться через университетские связи. Да не переживай, у младшего характер кроткий, с детства мне в рот заглядывает. В обиду не встанет. Ладно-ладно, как-нибудь покажу. Я твой шкурный интерес насквозь вижу! Говорю же, вылитая мачеха в молодости, зачем мне врать? Всё, я за рулём, отбой.

Сбросив вызов, Гу Цзюэ бросил взгляд на брата:

— У твоей матери дела, приедет через пару дней. Обусловили уже всё, что нужно? Нынче вечером будь посмышленнее. Твоя задача — угодить сыну Чжоу Хэна, понял?

Гу Цзицин откинулся на спинку сиденья, не произнеся ни слова. Густые ресницы опустились, профиль выглядел безмятежным и кротким — казалось, он настолько вымотался, что мгновенно погрузился в сон.

Гу Цзюэ цыкнул про себя: «В этой вашей Цинда только жилы рвать», — и включил подогрев пассажирского кресла на максимум, после чего умолк.

С этим парнем отродясь не было хлопот. Он умел нравиться людям — даже у такого вспыльчивого эгоиста, как Гу Цзюэ, рука не поднималась на него срываться. Разве составит для него трудность очаровать какого-то желторотого студентика? А вот когда сделка выгорит и отец передаст ему пекинский филиал, можно будет выкроить брату какую-нибудь неприметную иномарочку. Чтобы не вылуплялся на чужие «Лэнд Роверы» как нищий провинциал.

Вспомнив утренний джип, Гу Цзюэ презрительно хмыкнул. Какая-то мелюзга возомнила о себе неизвестно что! Семья Гу кормила и поила Цзицина столько лет вовсе не для того, чтобы

раздавать такие козыри задарма.

Гу Цзицин насквозь видел гнилые мыслишки попутчика. Он продолжал сидеть с закрытыми глазами, не роняя ни слова. Цзицин не любил разговаривать с глупыми людьми: их насквозь прозрачный ход мыслей и без слов был понятен, а поддержание бессмысленной беседы только отнимало силы.

Автомобиль остановился перед традиционной усадьбой-сихэюань на территории комплекса «Пекинский Номер Один». Проверка пропусков на въезде отличалась жёсткостью и дотошностью. Парковщики принимали люксовые авто одно дорожке другого. Гости, снующие у входа, блистали баснословно дорогими нарядами, отчего Гу Цзицин в своём светлом бежево-верблюжьем пальто и простом белом шарфе выглядел белой вороной.

— Ого, Цзюэ, а братец-то твой — вылитый интеллигент! Сходу видно: гордость главного вуза страны, не то что мы, олухи, — заговорил один из приятелей Гу Цзюэ.

Гу Цзюэ отродясь не блистал умом; отец в своё время ухнул целое состояние, чтобы отправленный за границу отпрыск вернулся хотя бы с красивым дипломом. Спутник его был из той же породы — изнеженный мажор, привыкший к кутежам, неразборчивый ни в связях, ни в средствах.

Гу Цзицин к подобным типам относился с равнодушной прохладой: не вступал в перепалки, но и не снисходил до дружбы. Приняв из рук официанта бокал с безалкогольным коктейлем, он тихо проронил: «Спасибо» — и снова погрузился в молчание.

Приятель, чувствуя себя задетым, не решился портить отношения с Гу Цзюэ напрямую, а потому зашёл сбоку, сочась ядом:

— И всё-таки, Цзюэ, ну и скупердяй же ты! Неглупому парню даже приличную шмотку зажал. Нацепить пальто за жалкие десять тысяч на такое мероприятие — убожество какое-то. Да и шарфик... штамповка без роду и племени?

Стоявший рядом мажор сообразил, к чему клонит приятель, и охотно подхватил тему:

— Да ладно тебе, не нагнетай. Его мачеха шла в семью Гу не ради денежного мешка. К тому же парень пока студент, скромность ему к лицу.

— Скромность скромностью, а рамки приличий знать надо! Чего доброго, хозяева решат, будто их не уважают. В таких вещах нельзя экономничать, иначе с такой-то привлекательной мордашкой — и в пролёте! Я прав, малыш? — Он фривольно покачал бокалом и глумливо усмехнулся.

Гу Цзюэ скривился — выпады задел и его самолюбие. Он уже намеревался осадить разнузданных приятелей, но Гу Цзицин неожиданно покорно кивнул:

— Да, брат Ли абсолютно прав.

Тот, кого называли братом Ли (Ли Ван), осёкся.

Цзицин поднял взор, и мягким, обволакивающе-прохладным тоном неторопливо изрёк:

— Просто до меня доходили слухи, что старшее поколение, пережившее нелёгкие времена, не жалуется юношеское щегольство. А этот шарф нам выдали в университете, он очень тёплый, вот я и надел его без задней мысли. Благодарю за науку, брат Ли. В следующий раз буду осмотрительнее.

Лишь тут присутствующие разглядели на ткани скромную вышивку — юбилейную эмблему Университета Цинда. И сразу вспомнили, как Гу Цзюэ уши им прожужжал: дескать, младший сын председателя Чжоу тоже учился в Цинда...

«...»

Твою мать! Да этот шарф крыл любой откутюр как бык овцу!

Ли Ван, давась собственной желчью, нацепил на лицо фальшивую ухмылку, приподнял бокал и сдавленно заговорил:

— Ха-ха, умница! Сразу видно — университетская элита, у вас свой взгляд на вещи. Но пару достойных вещей прикупить всё же стоит. Завтра лично прокачу тебя по бутикам! Ну а сегодня давайте пить!

С этим словом он попытался бесцеремонно приобнять Цзицина за талию.

Цзицин плавно качнулся в сторону, уклоняясь от прикосновения, и всё так же ровно отчеканил:

— Благодарю за щедрость, брат Ли, но не стоит.

Ухмылка Ли Вана моментально скисла.

Гу Цзюэ симпатизировал брату, но в бизнесе он зависел от отца Ли Вана, поэтому недовольно буркнул:

— А-Цзи, не упрямствуй.

Получив молчаливый карт-бланш от Гу Цзюэ, Ли Ван окончательно потерял берега. На его лице проступила сальная улыбочка:

— Да ладно, гордый студент, ему положено быть недотрогой...

И он снова потянулся к талии Гу Цзицина.

Цзицин хладнокровно прикинул угол, под которым проще всего шагнуть в сторону без лишнего шума.

Однако уклоняться не потребовалось. Чья-то сильная рука властно ухватила Цзицина за запястье и увлекла назад, за широкую спину. В то же мгновение другая — стальная и беспощадная — железной хваткой сжала кисть Ли Вана.

Раздался низкий, ледяной голос:

— Да, студенты Цинда действительно выше вас всех. Есть какие-то возражения?

Гу Цзицин удивлённо вскинул взгляд.

Короткие светло-каштановые волосы, безупречная стрижка, чёрный пуховик-оверсайз, отличные джинсы, подчёркивающие длинные, сильные ноги, и баскетбольные кроссовки. От парня буквально веяло студенческой свежестью и дерзкой юношеской энергией.

Но этот насуспенный взгляд, тяжёлая ладонь и непоколебимая уверенность в голосе в ту секунду сделали его в глазах Цзицина стократ мужественнее всех этих разряженных фатов. За его плечами угадывалось нечто большее — врождённая порядочность, впитанная с молоком матери, и привитое с детства чувство достоинства.

Увы, Ли Ван и его компания были слишком глупы, чтобы рассмотреть породу. Окинув обидчика беглым взглядом и цепляясь за обычные кроссовки, Ли Ван лишь завопил от боли:

— Свободен, пацан! Ты из какой подворотни вылез?! Кого вообще хозяева сюда согнали?! Вы тут совсем с ума свихнулись?!

Не успели ругательства затихнуть, как со второго этажа донёлся глуховатый, но исполненный достоинства голос:

— Сяо Цы, так вот ради какого друга ты так спешил?

«Сяо Цы?»

Мажоры оцепенели и медленно, точно деревянные куклы, обернулись.

На балконе второго этажа, опираясь на резную трость, стоял седой старик в строгом френче.

Впрочем, на притихшую шваль дедушка Чжоу даже не взглянул. Его добрый взгляд остановился на Гу Цзицине, и он с удовольствием кивнул:

— Хорошо, хорошо! Давно не встречал столь славных и воспитанных юношей. Вот я и говорю: в ваши годы нечего обезьянничать перед всяким напомаженным сбродом! Нужно выглядеть опрятно, свежо, по-студенчески — на радость нам, старикам.

«Напомаженный сброд», у которого от этих слов перехватило дыхание, онемел.

Человек, позволяющий себе подобные речи в этом доме, мог быть только одним-единственным лицом. А значит, этот парень в пуховике...

Не успели они открыть рты для извинений, как патриарх тепло поманил юношу рукой:

— Иди сюда, внучек. Приведи своего товарища, посидите со стариком.

Под ошарашенными взглядами публики Чжоу Цыбай с ледяным равнодушием брезгливо стянул руку Ли Вана и, увлекаемый Гу Цзицином за собой, направился к лестнице на второй этаж.

Компашка мажоров обомлела. Им конец.

Пока присутствующие гадали, кем приводится семье Чжоу этот изящный юноша, Гу Цзицин, укрытый надёжной спиной Чжоу Цыбая, ощутил укол странного, ни на что не похожего чувства.

Он был уверен, что с гомофобией Чжоу Цыбая они обречены на вечную вражду. Но за всю свою жизнь Цзицина редчайше кто-то закрывал собой, а этот парень умудрился заступиться за него дважды за каких-то десять дней.

Разве он не должен был избегать его как огня?

Вспомнив об этом, Цзицин решил, что как порядочный гей не имеет права пользоваться чужой отзывчивостью. Взглянув на пальцы Чжоу Цыбая, мёртвой хваткой сжимающие его ладонь, он едва заметно улыбнулся и тихо шепнул:

— Чжоу Цыбай... ты уверен, что хочешь так и вести меня за руку до самого верха?

«...»

Заминка.

Спустя мгновение от недавней несокрушимой суровости Чжоу Цыбая не осталось и следа: у всех на глазах его уши и шея налились густой, пылающей пунцовостью.

<http://bllate.org/book/20143/1992109>